

расспрашивать об их нуждах. «А что, — спрошу у сэра Бьюкене-на, — как поживает мой дорогой кузен и друг Георг?..». Заманчиво, канальство!

Ленин опустил на колени недовязанный чулок для бедного красного китайца, покачал головой и промолвил укоризненно:

— А препустейший ты паренек, Левка, как я на тебя посмотрю. Как говорит старинная русская пословица: «на рубль снобизма, на грош социализма».

Дружки

Когда Ленин неожиданно, не постучавшись, вошел в кабинет Троцкого — тот сделал молниеносный прыжок тигра к письменному столу и, благодаря этому, очутился спокойно покуривающим папиросу в подозрительном отдалении от лежащего на полу раскрытого чемодана.

— Что это вы делаете? — осведомился Ленин, поглядывая то на Троцкого, то на чемодан.

— Не видите разве? Папиросу курю.

— А чемодан? Почему раскрыт?

— Ветром раскрыло.

— Но вы, я вижу, укладывали в него белье. Вон еще носки лежат не уложенные.

— На дачу собираюсь.

— В сентябре-то?

— А что ж. В сентябре дача имеет свою прелесть: эти летающие золотые нити паутины, эти печальные георгины и астры, свесившие головки, этот плачущий ветер в трубе...

— Именно, что плачущий... Все оказалось золотыми нитями легкой паутины, всюду свесившие головки и повсюду скоро плач будет!.. Когда?

— Что когда?

— Удираете.

— А вам какое дело? Я же вас не спрашиваю.

— Я и не собираюсь. Что бы там ни было, я все равно останусь тут — на страже Третьего Интернационала, в этом прекрасном

пылающем очаге мировой революции, освещающем прекрасными лучами...

— Бросьте дурака валять. Надоело.

— Могу и бросить. Слушайте, как вообще дела на фронте? А? Чего ж вы молчите? Так-с. Навоевались, значит. Хе-хе!.. Наполеон-то оказался на короткую дистанцию!..

— Вам-то уж помолчать надо! Хвалились мировой пожар зажечь! Синица несчастная!

— Я и обещал зажечь. Но как? При помощи вашего оружия ваших войск. Разве я знал, что Наполеону со всех сторон по шее дадут...

— А зачем в семнадцатом году армию разложили?

— А вы зачем потом ее плохо сложили?

— А почему вы мне не предоставили неограниченной диктатуры?

Ленин хитро усмехнулся и пронзительно взглянул на Троцкого:

— Ой, Лева, Лева! Ведь насквозь я вас вижу. Дай я вам неограниченную власть — да вы сейчас же бы сковернули меня и короновались на царство.

Троцкий покраснел и отшвырнул папиросу:

— Что вы за глупости такие говорите!

— Ладно вам! Знаю. Была мыслишка помазаться на царство. Ну, посуди сам, голубчик: с твоим ли рылом...

— Что вам вообще угодно?

— Да-с... Вместо помазания — мазали, мазали по губам да как смажут!.. Вот теперь и приходится с чемоданом возиться.

— Небось, и вы около чемодана, как дитя около елки, резвитесь?

— Я? Нет, мой милый. Не такой Ленин человек. Я, как капитан, не сойду с тонущего корабля, и мое последнее воззвание к пролетариату всего мира... Вот я вам сейчас прочту черновичок... Где он? А, вот: в боковом кармане...

— Послушайте! Из кармана что-то выростили!

— Где? Ничего не выронил.

— Как ничего? Да это паспорт. И заграничный! Послушайте! Ведь это ваш паспорт. Почему *заграничный*?

— Что за глупости! Почему — мой? Меня зовут — Владимир Ленин, а это — Григорий Трошкин. На улице давеча нашел.

— А почему ж ваш портрет приклеен?

— Это я ему на память наклеил. Очень хороший человек этот Гриша Трошкин. «Володя, говорит, дай мне на память о наших отноше...»

— Эх, Гриша, Гриша! Вот-те и капитан на корабле. Крыса вы с корабля, а не капитан. Однако послушайте... Неужели вы думаете, что вас по лицу не узнают — Трошкин вы, Вошкин или Картошкин?

— Да уж... Это вас нужно поблагодарить. Черт вас надал наши портреты совать куда надо, куда и не надо. Царствующих особ нашел, нечего сказать! Когда в коллекции хотя бы одного сыскного фигурируешь — и то засыпаться можно, а тут — накося! И в журналах, и на витринах, и у коммунистов, в домах вместо образа — чуть в Успенском соборе не повесил...

— Это разве я? Это Луначарский с большого ума. Куда думаешь махнуть?

— На Бермудские острова. А ты?

— В Мельбурн.

— Так-с. Ну, предположим, мы это оба соврали. Теперь по-настоящему — куда ты едешь?

— По-настоящему? На Вандименову землю. А ты?

— По-настоящему? На Землю Франца-Иосифа.

— Правильно. А так как мы опять оба для конспирации соврали и так как все делается до трех раз, — то говори теперь истинную правду: куда едешь?

— Правду сказать? К черту на кулички... А ты?

— Я? Куда ворон костей не заносил.

Ленин встал и, протянув Троцкому руку, и пожимая ее, и потрясая ее, и глядя в глаза друга своими бегающими, узкими калмыцкими глазками, сказал на прощанье:

— Поцарствовали, значит?

Троцкий усмехнулся:

— Вот уж о ком можно сказать: «Попили кровушки».

Засмеялись. Разошлись.

* * *

До скорого свидания, товарищи!

Скоро, вероятно, встретимся.